

УДК 316.3

DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.20

**ДЕСТРУКТИВНЫЕ
ИСЛАМИСТСКИЕ
И ТЮРКСКО-
ИСЛАМИСТСКИЕ СЕТЕВЫЕ
СТРУКТУРЫ НА ЮГЕ
РОССИИ КАК ПРЕДМЕТ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

**DESTRUCTIVE ISLAMIST
AND TURKIC-ISLAMIST
NETWORK
STRUCTURES
IN THE SOUTH OF RUSSIA
AS A SUBJECT
OF SOCIOLOGICAL
RESEARCH**

Круглова Анна Юрьевна

Соискатель, Институт социологии
и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: anita.kruglova@yandex.ru

Anna Yu. Kruglova

Postgraduate student,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: anita.kruglova@yandex.ru

В статье проводится подробный анализ социологических исследований, раскрывающих факторы формирования, действия и взаимодействия деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, а также методы противодействия их подрывной деятельности. Большое внимание уделено научным трудам отечественных и зарубежных ученых, изучающих теоретические основы сетевой теории и анализа. На основании анализа социологической литературы автор делает вывод о том, что в науке нет комплексного изучения факторов формирования, взаимодействия и комплексной стратегии противодействия деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур. Именно этим обстоятельством определяется актуальность исследования.

The scientific article conducts a detailed analysis of sociological research, revealing the factors of formation, action and interaction of destructive Islamist and Turkic-Islamist network structures, as well as methods of counteracting their subversive activities. In addition, the author considers the scientific works devoted to the study of the theoretical foundations of network theory and analysis. Based on the analysis of sociological literature, the author concludes that science does not have a comprehensive study of the factors of formation, interaction, and a comprehensive strategy to counter the activities of Islamist and Turkic-Islamist network structures, which makes the study relevant.

Ключевые слова: сеть; сетевые структуры; деструкция; деструктивные сетевые структуры; исламистские деструктивные сетевые структуры; тюркско-исламистские сетевые структуры.

Keywords: network; network structures; destruction; destructive network structures; Islamist destructive network structures; Turkic-Islamist network structures.

Введение

Активная деятельность деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур приводит к дестабилизации политического и социально-экономического развития региона, а также представляет собой угрозу безопасности страны. В настоящее время изменился принцип осуществления подрывной деятельности: сетевые ячейки рассчитаны на осуществление одной или нескольких акций. В этой связи важными в гуманитарной науке являются рассмотрение причин, тенденций формирования, особенностей действий и взаимодействий, а также выработка эффективной стратегии предупреждения и пресечения деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур.

Причины появления, дальнейшее распространение и развитие указанных структур как в Российской Федерации, так и в южном ее регионе вызваны социально-экономическими, политическими, социокультурными, демографо-миграционными, этноконфессиональными процессами. Фундаментом для развития негативных процессов являются существующие в регионе проблемы, такие как безработица, высокая дифференциация населения. Прогрессирующая коррупция приводит к укоренению положений исламского радикализма и пантюркизма, что влечет за собой появление деструктивного слоя в молодежной среде как более восприимчивой к изменениям ячейки общества.

Усиление подрывной деятельности рассматриваемых нами сетевых структур способствует комплексному изучению данной тематики с помощью средств социально-гуманитарного познания для выработки инструментов повышения эффективности антитеррористической и антиэкстремистской работы.

Теоретические проблемы научных исследований деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России

Теория сетевых структур, или сетевой подход как самостоятельная ветвь, в социологической науке образовалась в 1970–1980-е гг. в США. Однако проблемами исследования социальных связей начали

плотно заниматься в конце XIX – начале XX в. Самое непосредственное влияние на формирование и развитие сетевой теории смогли оказать формальная социология, социальная антропология (Рэдклифф-Браун, 2001; Barnes, 1954) и социометрия (Морено, 2001).

В 1930-х гг. XX в. Дж. Морено (2001) разработал серию работ по социометрии, которая посвящена межличностным и межгрупповым связям. Основу исследований Морено составляют социограммы, которые демонстрируют межличностные связи в той или иной социальной структуре.

Впервые дефиницию «социальная сеть», или «социальная структура», ввел в 1954 г. социолог Дж. Барнз (1954). Исследователь определял сетевую структуру как модель или образец социальных связей между точками, которые имеют определенные характеристики. В этом случае точками являлись конкретные акторы и места, где осуществлялись их функции. Одновременно антрополог А.Р. Рэдклифф-Браун (2001) понимал социальную структуру как сеть действительно существующих общественных отношений.

Начиная с 1980-х гг. в социологической науке получает распространение новая трактовка понятия сетевых структур, в контексте которой сеть понимается как совокупность взаимодействующих акторов, характеризующихся децентрализованностью и связностью. В этом случае под децентрализованностью понимается наличие в сетевой структуре нескольких лидеров, которые обладают равными социальными ролями и статусами. В свою очередь, связность понимается как тесное взаимодействие акторов в структуре сети.

Необходимо также выделить одну из самых популярных теорий сетевого анализа, которая была разработана в 1990-х гг. XX в. испанским социологом М. Кастельсом (2000). По мнению ученого, «доминирующие социальные практики монтируются в доминирующие сетевые структуры, и наоборот». М. Кастельс вводит типологию сетевых субъектов, критерием которой являются потребности и функции акторов, которые осуществляют субъекты в единстве времени и пространства. Исследователь приводит три типа сетевых акторов: 1) сетевики-универсалы, которые устанавливают дружеские или рабочие связи по собственному желанию; 2) сетевики-операторы, которые осуществляют действия в формате перманентной доступности, однако не принимают участия в принятии важных решений, являясь членами какой-либо сетевой структуры; 3) внесетевые рабочие, выполняющие функции неинтерактивными односторонними способами.

Особое значение в социологической науке занимает теория сетевых войн, разработанная Офисом реформирования США под руковод-

ством вице-адмирала А. Себровски и Дж. Гарстка (1998). Структурную организацию деструктивных сетевых структур подробно исследовали представители американской RAND corporation Дж. Арквилла и Д. Ронфельд (1997). Ими была выдвинута теория, объектами которой стали сети, выстроенные по модели дезиерархизованных структур.

В российской социологической науке имеется огромный пласт трудов, исследующих проблемы сетевого анализа деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур. Необходимо обратить внимание на научные труды исследователей, направленные на изучение факторов формирования деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур. Большинство ученых разделяют факторы на экзогенные (внешние) и эндогенные (внутренние). С.В. Метелев (2010) к внешним факторам формирования исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур относит осуществление экстремистских и террористических проявлений в странах ближнего и дальнего зарубежья; нелегальный оборот оружия, который преобладает в зарубежных странах; подрывную деятельность иностранных спецслужб, а также международных террористических организаций; проникновение в общество радикальных идеологий из исламских иностранных государств. В свою очередь, среди внутренних факторов ученый выделяет низкий уровень правосознания и правовой культуры; коррумпированность и бюрократию во властных системах; неэффективную деятельность правоохранительных органов и силовых структур; упадок нравственных и моральных ценностей; высокий уровень социального расслоения в обществе, приводящий к чувству неустрашенности и неудовлетворенности у молодого поколения.

О.В. Рябцев (2008) к внутренним факторам, влияющим на образование и консолидацию деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур, относит: 1) этноконфессиональный фактор, который связан с религиозной и национальной идентичностью участников сети; 2) этнонациональный, способствующий консолидации различных этнических сообществ и диаспор в регионе, а также созданию на этой основе новых региональных ячеек; 3) идеологический фактор интегрирует сетевые структуры на базе единой идеологии и общности идеологических постулатов.

Некоторые ученые (Лунев, 2003; Гурба, 2011) в своих научных исследованиях выделяют экономический фактор как главную причину расширения социальной базы исламистских и тюркско-исламистских деструктивных сетевых структур. Согласно мнению В.Н. Гурбы, к экономическим факторам необходимо отнести социальное расслоение

уровня доходов населения, которое является одной из главных тенденций, приводящих к социальной нестабильности.

Отдельно выделим ученых (Горбунов, 2012; Ольшанский, 2002), которые выдвигают на первый план психологический фактор. По их мнению, именно культурологический, рациональный, идеологический мотивы способствуют объединению людей в деструктивные структуры для осуществления подрывной деятельности.

Другим важным аспектом в изучении деятельности деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур является их социальная база. Особое внимание ученых привлекают следующие направления: 1) идеологические предпочтения исламистов и тюркских исламистов; 2) социально-демографические характеристики деструктивных сетевых структур.

Вопросы приверженности исламистов к идеологии исламского радикализма, включая исследования доктринальных понятий исламизма, таких как «такфир» и «джихад», подробно рассматриваются и в работах ряда ученых Юга России (Акаев, 2008; Бережной, 2005; Добаев, 2011; Курбанов, 2006). Выделяются социологические исследования, которые раскрывают отношения дагестанской молодежи к радикальному исламу, рисуя социологический портрет участников деструктивных сетевых структур (Курбанов, 2006; Абдулагатов, 2011; Ярлыкапов, 2007).

Согласно исследованиям, посвященным социально-демографическим характеристикам исламистов, можно сделать вывод, что это молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, как правило, не получившие даже начального образования и имеющие низкий материальный статус. Тем не менее встречается молодежь из полных, благополучных семей, имеющих стабильный заработок. По мнению А.А. Сваранца (2002), занимающегося изучением деструктивной деятельности структур пантюркистской направленности на Юге России, костяк тюркско-исламистских структур составляют молодые люди с начальным и высшим образованием, из полных обеспеченных семей, обладающие большими социальными перспективами в плане финансовой и карьерной реализации.

В социологической науке нет единого научного исследования, посвященного изучению взаимодействия исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур через различные каналы. Существуют работы, которые рассматривают каждый канал взаимодействия отдельно. Стоит выделить коллективную монографию С.Е. Бережного, И.П. Добаева, П.В. Крайнюченко (2005), в которой представлены истоки становления исламской религии на Северо-Восточном и Северо-

Западном Кавказе (Адыгея, Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия). В то же время существуют труды, в которых ряд авторов (Мукомель, 2016; Чигрин, 2016) раскрывают приоритетную роль исламского фактора в крымско-татарском национальном движении. Ученые рассматривают трансформацию религиозной, этнической и гражданской идентичности крымских татар в результате присоединения Республики Крым к России.

Изучая финансово-экономические каналы обеспечения деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России, исследователи подразделяют их на внутренние (доходы, которые были получены путем легального и теневого бизнеса, рэкет, закят) и внешние (материальная поддержка, проводимая международными религиозными и политическими организациями, финансирование, осуществляемое зарубежными коммерческими/некоммерческими фирмами и фондами) (Добаев, 2011; Суций, 2009). В центре внимания ученых находятся также вопросы изучения информационно-пропагандистских каналов вовлечения исламистской и тюркско-исламистской молодежи (Седых, 2012; Красинский, 2013). Согласно мнению В.В. Красинского, деструктивная деятельность исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур не может осуществляться без привлечения информационных ресурсов, таких как социальные сети, специализированные интернет-издания, форумы, блоги, мессенджеры и т.д. Такое информационное взаимодействие необходимо прежде всего для обмена информацией, привлечения молодых людей в ряды деструктивных сообществ, для пропаганды экстремистских идей и призыва к джихаду и др.

Ещё одним важным направлением исследования являются методы и инструменты противодействия таким структурам. В основном учеными рассматриваются формальные методы противодействия, заключающиеся в нивелировании политических конфликтов на религиозной и этнической почве, усовершенствовании существующего законодательства, подготовке правоохранительных органов и силовых структур к пресечению подрывной деятельности указанных структур, работе по сокращению финансовой помощи, направленной на противоправную деятельность.

Заключение

Итак, проведя подробный анализ научной социологической литературы, можно сделать вывод о том, что отдельные аспекты изучения деструктивных исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур на Юге России получили теоретическое осмысление. Однако на данный мо-

мент в социально-гуманитарном знании нет научных трудов, которые в совокупности исследуют тенденции, факторы образования, действия и взаимодействия, а также стратегию противодействия деструктивной деятельности исламистских и тюркско-исламистских сетевых структур. Данное обстоятельство придает теме исследования проблемный характер и свидетельствует о необходимости научной концептуализации.

Литература

Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде (на примере Республики Дагестан). Махачкала, 2011.

Акаев В.Х. Ислам в Чеченской Республике. М., 2008.

Бережной С.Е., Добаев И.П. Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России // Южнороссийское обозрение. М.; Ростов н/Д., 2005. № 17.

Добаев И.П., Добаев А.И. Терроризм и антитеррористическая деятельность в Российской Федерации. Ростов н/Д., 2011. С. 123.

Горбунов К.Г. Терроризм: история и современность. Социально-психологические исследования. М., 2012. С. 231.

Гурба В.Н. Терроризм в регионах адатных культур (на примере Северо-Кавказского региона) : дис. ... д-ра социол. наук. Новочеркасск, 2011. С. 16.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 470.

Красинский В.В. Экстремистские интернет-ресурсы «Имарат Кавказ» и противодействие «информационному джихаду» северокавказского бандподполья // Современное право. 2013. № 7.

Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан). Ростов н/Д., 2006.

Лунев В.В. Терроризм и экстремизм как проявление радикализма в исламе. Челябинск, 2003. С. 34–35.

Метелев С.Е. Экстремизм и современные методы антиэкстремистской деятельности. Омск, 2010. С. 34–36.

Морено Дж. Социометрия: эксперимен-

References

Abdulagatov, Z.M. (2011). Features of the socialization of modern youth and social deformations in the youth environment (on the example of the Republic of Dagestan). Makhachkala.

Akayev, V.Kh. (2008). Islam in the Chechen Republic. Moscow.

Berezhnoy, S.E., Dobaev, I.P. Kraynyuchenko, P.V. (2005). Islam and Islamism in the South of Russia. *South Russian Review*. Moscow; Rostov-on-Don, 17. (in Russian).

Dobaev, I.P., Dobaev, A.I. (2011). Terrorism and anti-terrorism activities in the Russian Federation. Rostov-on-Don.

Gorbunov, K.G. (2012). Terrorism: history and modernity. Socio-psychological research. Moscow.

Gurba, V.N. (2011). Terrorism in the regions of adat cultures (on the example of the North Caucasus region). (Doctoral Dissertation, Novocherkassk).

Castells, M. (2000) Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow.

Krasinsky, V.V. (2013). Extremist Internet resources “Imarat Kavkaz” and counteraction to the “information jihad” of the North Caucasian bandit underground. *Sovremennoye pravo*, 7. (in Russian).

Kurbanov, Kh.T. (2006). Religious-political extremism in the North-Eastern Caucasus: ideology and practice (on materials of the Republic of Dagestan). Rostov-on-Don.

Lunev, V.V. (2003). Terrorism and extremism as a manifestation of radicalism in Islam. Chelyabinsk.

Metlev, S.E. (2010). Extremism and modern methods of anti-extremist activity. Omsk.

Moreno, J. (2001). Sociometry: Experimental Method and the Science of Society.

тальный метод и наука об обществе. М., 2001. С. 145.

Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.

Ольшанский Д.В. Психология терроризма. М., 2002. С. 88.

Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции / Российская академия наук. М., 2001. 304 с.

Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России (на примере крымско-татарского национального движения): дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2008.

Сваранц А.А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002.

Седых Н.С. Современный терроризм с точки зрения информационно-психологических угроз // Национальная безопасность. 2012. № 2.

Суций С.Я. Особенности центрально-периферийного устройства российской социокультурной системы и стадии развития культурного комплекса Юга России // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2. С. 32–40.

Чигрин В.А. Особенности интеграции этносов Крыма в российский полиэтнический социум // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 84–94.

Ярлыкапов А.А. Проблема сепаратизма и исламского экстремизма в этнических республиках Северного Кавказа // Институт религии и политики. 2007. № 22.

Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar // In *Athena's Camp: Preparing for Conflict in Information Age*. RAND Corporation, 1997.

Barnes J. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // *Human Relations*. 1954. № 7. P. 39–58.

Cebrowski A., Garstka J. Network-centric Warfare: It's Origin and Future // *Proceedings*. January, 1998.

Moscow.

Mukomel, V.I., Khaikin, S.R. (2016). Crimean Tatars after the "Crimean Spring": the transformation of identities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 3, 51–68. (in Russian).

Olshansky, D.V. (2002). Psychology of terrorism. Moscow.

Radcliffe-Brown, A.R. (2001). Structure and function in a primitive society. Essays and lectures / Russian Academy of Sciences. Moscow.

Ryabtsev, O.V. (2008). Network principle of activity of the organizations of the closed type in the context of threats to national and regional security of Russia (on the example of the Crimean Tatar national movement). (Doctoral Dissertation, Rostov-on-Don).

Svaranz, A.A. (2002). Panturkism in the geostrategy of Turkey in the Caucasus. Moscow.

Sedih, N.S. (2012). Modern terrorism in terms of information and psychological threats. *Natsional'naya bezopasnost'*, 2. (in Russian).

Suschy, S.Ya. (2009). Features of the center-peripheral device of the Russian socio-cultural system and the stage of development of the cultural complex of the South of Russia. *The scientific thought of the Caucasus*, 2. 32–40. (in Russian).

Chigrin, V.A. (2016). Features of the integration of the ethnic groups of Crimea in the Russian polyethnic society. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 3, 84–94 (in Russian).

Yarlykapov, A.A. (2007). The problem of separatism and Islamic extremism in the ethnic republics of the North Caucasus. *Institut religii i politiki*, 22. (in Russian).

Arquilla, J., Ronfeldt, D. (1997). The Advent of Netwar. In *Athena's Camp: Preparing for Conflict in Information Age*. RAND Corporation.

Barnes, J. (1954). Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*, 7, 39–58.

Cebrowski, A., Garstka, J. (1998). Network-centric Warfare: It's Origin and Future. *Proceedings*, January.

Поступила в редакцию

3 декабря 2018 г.